Baikal Lobridge® Analytics

Климат и устойчивое развитие | Геоэкономические риски

Ближневосточный кризис и секьюритизация устойчивого развития

Эскалация конфликта ставит под угрозу глобальную продовольственную безопасность и выводит устойчивость в число ключевых факторов международной конкуренции наряду с оборонным и промышленным потенциалом.

Кризис как катализатор системных изменений

На протяжении последних двух десятилетий вопросы экологии, устойчивости и ESG рассматривались преимущественно вне прямой связи с финансовыми результатами и национальной безопасностью, что отодвигало тематику самообеспеченности на периферию стратегического анализа. Парадигма глобализации подразумевала, что ресурсные дефициты компенсируются через рыночную активность, однако текущие события на Ближнем Востоке указывают на то, что срыв цепочек поставок и перебои в работе критической инфраструктуры могут сделать ресурсный суверенитет центральным элементом новой глобальной повестки.

В результате устойчивость цепочек поставок, контроль над критическими узлами логистики, локализация агротехнологий, снижение зависимости от импортных ресурсов и адаптация водоемких отраслей к условиям дефицита могут стать новой материальной основой ESG-повестки.

В этом смысле кризис выступает не просто как геополитическое событие, а еще и как стресс-тест для всей логики последних десятилетий: действительно ли «зеленая» повестка, а особенно ее ресурсная часть, была опциональной — или же она изначально являлась недооцененным элементом национальной безопасности.

Продовольственная безопасность

Современная продовольственная система — это не столько вопрос производства, сколько вопрос бесперебойного доступа к энергии, сырью и логистике с максимальной оптимизацией затрат.

Это хрупкая система, которая строится на постоянной оптимизации процессов; в случае, если подобные текущему ближневосточному крупные кризисы создают дополнительные постоянные издержки, рыночная модель обеспечения продовольственной безопасности становится неустойчивой. Некоторые страны, включая Россию, располагают ресурсами для того, чтобы даже в случае разрушения международной рыночной взаимозависимости поддержать агропромышленный комплекс; у многих других такой возможности нет.

Тема продовольственной безопасности сегодня выходит на качественно новый уровень, поскольку все больше стран осознают уязвимость базового допущения, на котором долгое время строилась глобальная экономическая модель: постоянство архитектуры международной логистики и незыблемость децентрализованного производства, основанного на размещении мощностей в странах с более низкими издержками.

По мере роста рисков дестабилизации этих механизмов на первый план выходят вопросы, имеющие уже не только экономическое, но и стратегическое значение:

Вопрос 1

Располагает ли страна достаточной ресурсной базой для достижения хотя бы частичной самообеспеченности в условиях сбоев цепочек поставок?

Вопрос 2

Если нет, существует ли доступ к региональным союзникам, способным компенсировать этот дефицит?

Вопрос 3

Какова степень зависимости экономики от экспортно-импортных потоков?

Вопрос 4

Есть ли альтернативные источники энергии, не привязанные к нефтепродуктам?

Высокая инфляция цен на продовольствие может ухудшить продовольственную безопасность, особенно в странах с низким уровнем дохода.

Рост цен на продовольствие на 10% сопровождается увеличением числа случаев продовольственной небезопасности от умеренной до тяжелой на 3,5%, а также ростом числа случаев тяжелой продовольственной небезопасности на 1,8%[1].

Ближневосточный кризис следует трактовать как катализатор нового витка продовольственной нестабильности. В условиях, когда мировая система уже остается перегруженной конфликтами, долговыми ограничениями, климатическими экстремумами и высокой зависимостью от трансграничных поставок ключевых аграрных ресурсов, дополнительный шок в регионе Персидского залива повышает риск того, что локальное

нарушение логистики удобрений и энергоносителей перерастет в более широкий кризис доступности продовольствия.

Даже если конфликт на Ближнем Востоке будет урегулирован в ближайшее время, события последних нескольких недель определят повестку для большинства стран, оказавшихся прямыми либо косвенными участниками конфликта и разочаровавшихся в поддержке партнеров. Вероятен переход к альтернативной модели союзов — скорее по нужде, чем по схожести идеологических курсов.

Чтобы понять, каким образом эти структурные уязвимости реализуются на практике, важно рассмотреть конкретный сценарий — как именно кризис в Персидском заливе трансформируется в продовольственный и ресурсный шок.

Право на «неурожайный год»

Закрытие Ормузского пролива в конце февраля 2026 года и одновременная дестабилизация судоходства в Красном море создали беспрецедентную «двойную блокаду», запустив каскадный кризис на рынках энергии и агрохимии в критический момент посевных кампаний. Через Ормуз до конфликта проходило до трети мировой морской торговли удобрениями **(около 16 млн тонн в год)**, включая почти половину экспорта карбамида и значительные доли аммиака, серы и фосфатов; в условиях блокады рынок ежемесячно недополучает **до 3–4 млн тонн**, а грузы перераспределяются в пользу платежеспособных стран, усиливая дефицит в развивающихся экономиках[2]. Параллельно рост цен на нефть и газ резко увеличивает себестоимость производства пестицидов и удобрений, поскольку они завязаны на нефтехимическое сырье и энергоемкие процессы.

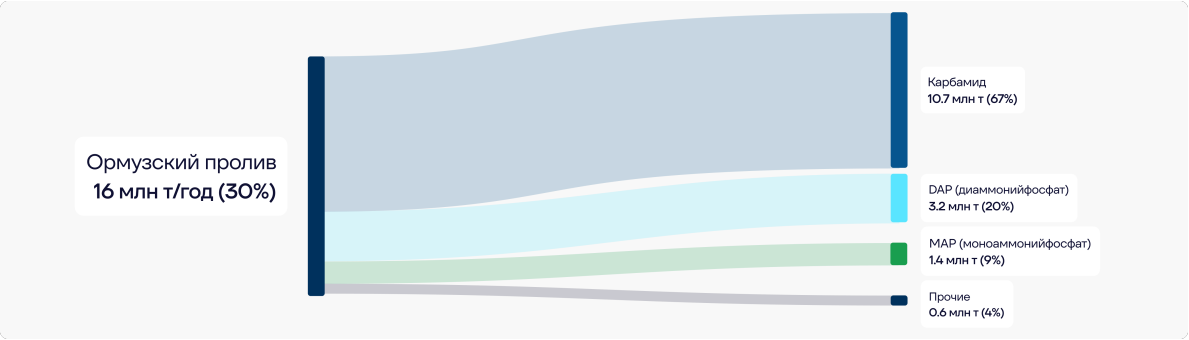

Рис. 1. До эскалации конфликта через Ормузский пролив проходило около трети мировой морской торговли удобрениями. Источник: данные UNCTAD и Kpler за 2025 г.

Ограничение поставок сжиженного природного газа (СПГ) из Катара провоцирует рост цен на газ в Европе **(уже выше $600 за 1000 куб. м).** Для европейских производителей удобрений порог рентабельности находится на уровне **$500**[3]. Рост цен на сырье неизбежно ведет к сокращению производства и росту стоимости конечной продукции. В настоящее время грузы перенаправляются к покупателям, готовым платить премию, – прежде всего в США и Бразилию, – а страны с меньшей покупательной способностью (страны Тропической Африки, Южная Азия) рискуют остаться без удобрений в решающее для результатов посевной время.

Срыв поставок удобрений и агрохимии в данном случае следует рассматривать не только как логистическую проблему, но и как механизм перераспределения продовольственных рисков: чем дороже и менее доступными становятся ключевые ресурсы для аграрного производства, тем выше вероятность снижения урожайности, продовольственной инфляции и расширения зон хронической зависимости от внешнего обеспечения.

При этом полноценное замещение выпадающих объемов за счет других экспортеров в краткосрочной перспективе невозможно.

Египет и Алжир уже законтрактованы, производство в этих странах работает на пределе своих возможностей.

Китай, будучи крупнейшим мировым производителем удобрений, имеет ограничения на экспорт карбамида (экспортные лицензии в 2026 г. не выданы) для обеспечения собственной продовольственной безопасности, а также страна критически зависит от импорта серы, необходимой для производства группы удобрений.

Россия, сохраняющая статус крупнейшего поставщика, может оказать поддержку, однако экспортные потоки сдерживаются правительственными

квотами, направленными на защиту внутреннего рынка, и загруженностью портовых терминалов.

В такой ситуации можно говорить о начале каскадного обвала рынков удобрений и энергоносителей в разгар посевных кампаний, если только судоходство не будет восстановлено в ближайшее время. По оценке Всемирной продовольственной программы ООН, при продолжении конфликта к июню 2026 года 45 млн человек дополнительно окажутся в состоянии острого голода[4]. Конфликт разворачивается в момент, когда уже голодают более **670 млн человек**[5].

В случае дальнейшего углубления дефицитов и роста давления на продовольственную безопасность можно ожидать усиления призывов со стороны государств и международных объединений к более централизованному и координированному распределению критических ресурсов, включая механизмы квотирования, приоритизации поставок и межгосударственного регулирования потоков.

Хрупкость системы как драйвер изменений — какие могут быть неочевидные последствия?

Ключевая особенность текущего кризиса заключается в том, что его последствия не сводятся к прямым перебоям поставок. Основной риск формируется за счет вторичных и третичных эффектов, которые распространяются по всей цепочке создания стоимости — от добычи ресурсов до конечного потребления. Эти эффекты часто недооцениваются на начальном этапе, однако именно они определяют глубину и продолжительность шока.

Эффект 1

Прямые энергозатраты на производство продовольствия.

Рост цен на нефть или ее дефицит угрожают удорожанием и возможными сбоями при проведении механизированных полевых работ, орошения, послеуборочной обработки и транспортировки сельхозпродукции. Также это провоцирует рост стоимости топлива для техники и удобрений,

производимых из природного газа, и повышает спрос на растительные масла (соевое, пальмовое) в качестве биотопливных заменителей.

Наиболее уязвимые рынки: Пакистан, Бангладеш, Индия, Египет, Кения, а также фермерские хозяйства США в разгар весенней посевной.

Эффект 2

Обвал на рынке СПГ приведет к падению производства удобрений.

Выпадение из поставок катарского СПГ запускает цепную реакцию, которая выйдет за пределы энергетического рынка и ударит по мировой продовольственной безопасности. Природный газ является базовым сырьем для синтеза аммиака и всей линейки азотных удобрений. Параллельный рост цен на углеводороды кратно увеличивает прямые издержки агросектора на дизельное топливо, логистику и технику. Ситуация усугубляется тем, что дорогая нефть делает рентабельным производство биодизеля, изымая базовые растительные масла из производства пищевой продукции. В результате не исключен синхронный ценовой шок на рынках топлива, агрохимии и логистики, мощное ценовое давление, которое неизбежно выльется в глобальный рост цен на продовольствие. Аналитики прогнозируют потенциальный рост цен на азотные удобрения в два раза от текущего уровня, а на фосфатные – примерно в полтора раза.

Наиболее уязвимые рынки: Индия, Бангладеш, страны тропической Африки, Бразилия.

Эффект 3

Транспортировка от поля до порта и от порта до потребителя.

Как правило, стоимость топлива формирует **50–60%** операционных расходов на морские перевозки[6]. Военно-рисковые надбавки на контейнерные перевозки сейчас составляют около **$1500/TEU**[7]. Контейнерные ставки выросли на **30%** с начала конфликта[8].

Уязвимы все нетто-импортеры продовольствия, зависящие от морских поставок; особенно – островные государства и страны Восточной Африки, для которых фрахтовые надбавки составляют большую долю в конечной цене.

Эффект 4

Переработка и упаковка.

Пищевая промышленность – энергоемкое производство: мукомольные, сахарные, мясоперерабатывающие заводы потребляют значительные объемы электроэнергии и газа. Порт Джебель Али (ОАЭ) обрабатывает порядка **65%** экспортных потоков полимеров стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива[9]. Латиноамериканские и другие производители, замещающие эти материалы, уже повысили цены в ответ на рост спроса. Рост цен на газ в Европе приведет к удорожанию каждого этапа превращения сырья в готовый продукт.

Эффект 5

Холодовая цепочка.

Хранение и транспортировка скоропортящихся продуктов требует непрерывного охлаждения. Свежие фрукты и овощи – первая категория, в которой рост цен станет заметен, поскольку их короткий срок хранения делает их особенно уязвимыми к внезапному удорожанию логистики.

Эффект 6

Страхование грузов и инфраструктуры.

Военно-рисковые премии достигают **5–10%** стоимости судна по состоянию на **20 марта 2026 года**[10]. Они будут заложены в стоимость фрахта, затем в отпускную цену товара, затем в розничную наценку. Даже после нормализации обстановки страховые тарифы будут снижаться медленнее, чем цены на сырье, создавая эффект «липкой» надбавки. Стоит ожидать, что возвращение страхования к норме может занять месяцы.

Эффект 7

Валютные эффекты в странах-импортерах.

Нефтеимпортирующие развивающиеся страны могут столкнуться, во-первых, с ростом стоимости импорта в долларах, и, во-вторых, с девальвацией национальной валюты под давлением торгового дефицита.

Для стран с более слабыми валютами эффект будет строго мультипликативен. Продовольствие, закупаемое за доллары, дорожает для

конечного потребителя не только из-за мировых цен, но и из-за ослабления местной валюты.

Эффект 8

Секьюритизация темы водных ресурсов.

Удары по опреснительной инфраструктуре Ирана и Бахрейна выявили уязвимость модели водоснабжения, основанной на энергоемких и централизованных технологиях. Ситуация в Персидском заливе, несмотря на региональную специфику, демонстрирует хрупкость модели, завязанной на импорт и технологическую компенсацию дефицита ресурсов, и может стимулировать пересмотр водных стратегий в других странах, даже если они не зависят от опреснения сами. Дополнительный риск связан с тем, что рост населения в регионе во многом обеспечивался искусственным расширением ресурсной базы — дестабилизация может привести к миграционным эффектам.

На этом фоне ряд стран уже выстраивает более устойчивые модели управления водными ресурсами. Китай, в частности, сочетает масштабные инфраструктурные проекты (переброска воды между регионами), развитие водосберегающих технологий в сельском хозяйстве и государственное регулирование потребления. Параллельно усиливается ставка на повторное использование воды и локализацию водоснабжения, что снижает зависимость от централизованных систем. Аналогичные подходы — диверсификация источников, цифровизация управления и снижение водоемкости экономики — постепенно распространяются и в других странах, стремящихся минимизировать уязвимость к внешним и климатическим шокам.

Совокупность этих эффектов формирует масштабный ценовой шок, который перераспределяет доступ к продовольствию между странами. В результате устойчивость определяется уже не столько объемом производства, сколько способностью контролировать издержки и логистику.

Перспективы для России в сценариях ближневосточного конфликта

Россия продемонстрировала способность мобилизовать ресурсы для обеспечения своего суверенитета на глобальном уровне. С учетом опыта

2014 и 2022 годов, она смогла нарастить потенциал ресурсного, цифрового и экономического суверенитета в условиях внешних ограничений. Это позволяет говорить о высокой устойчивости государства в сценариях эскалации. Ограничения могут проявляться только при медленном развитии инфраструктуры или недостаточной дипломатической активности, поскольку в кризисных ситуациях лидирующее положение в региональных ресурсных блоках требует как материальных, так и политических рычагов влияния.

Более того, перебои в работе опреснительной инфраструктуры на Ближнем Востоке усиливают тренд на секьюритизацию доступа к водным ресурсам, переводя его из категории долгосрочной устойчивости в сферу стратегического планирования. В этих условиях наличие собственной пресноводной базы начинает рассматриваться не просто как природное преимущество, а как фактор устойчивости продовольственных и аграрных цепочек. На этом фоне страны с высокой степенью самообеспеченности ключевыми ресурсами — энергией, водой, агрохимией — получают дополнительные возможности для укрепления своего внешнеэкономического и политического влияния. Россия в этом контексте потенциально может выступать как один из опорных элементов новой конфигурации, предлагая партнерам не только сырьевые поставки, но и относительную стабильность в условиях волатильных глобальных рынков.

В отдельных сценариях реализация этого потенциала может сталкиваться с рядом структурных ограничений. Текущий кризис в том числе акцентирует внимание на значимости инфраструктурной и логистической составляющей: пропускная способность транспортных коридоров, зависимость от отдельных маршрутов, а также особенности функционирования железнодорожной системы могут влиять на скорость наращивания экспортных поставок и способность оперативно занимать высвобождающиеся ниши на глобальном рынке.

ЕАЭС, в составе которого находится Российская Федерация, имеет потенциал стать полноценным ресурсным блоком, но с оговорками. Асинхронность в весе влияния отдельных стран и их способности к управлению ресурсами создаст необходимость дифференцированных регулирующих инструментов. В условиях углубления дефицитов и давления на продовольственную безопасность это может привести к пересмотру принципов распределения ресурсов внутри союза.

Таким образом, даже при наличии ресурсного преимущества ключевым фактором становится не столько объем доступных ресурсов, сколько способность эффективно их мобилизовать и доставлять на внешние рынки.

В более широком смысле это подтверждает, что элементы, традиционно относимые к ESG-повестке — управление ресурсами, энергоэффективность, локализация и устойчивость инфраструктуры — трансформируются в инструменты геоэкономической конкуренции и напрямую влияют на уровень суверенитета государств.

Ключевые тренды

Тренд 1

Фокус на ресурсный суверенитет — повышенное внимание к самообеспеченным странам как к потенциальным партнерам; глобализация уступает место региональным альянсам в новой геоэкономической модели.

Формируется переоценка стран не по размеру экономики, а по способности обеспечивать себя критическими ресурсами (энергия, продовольствие, сырье), что смещает приоритеты в международном сотрудничестве и инвестициях.

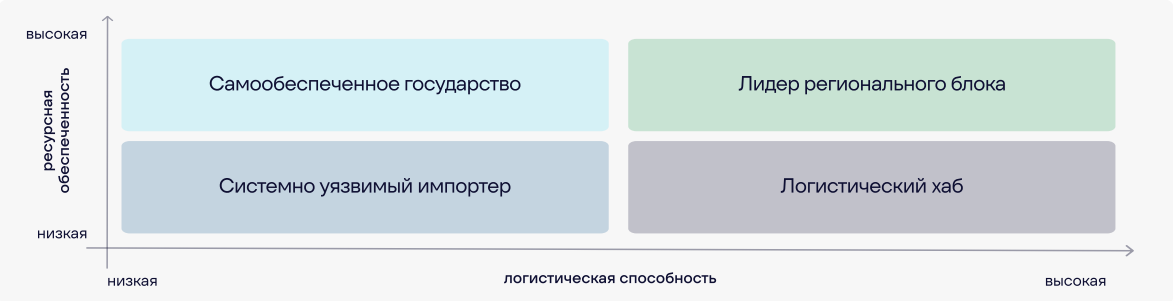

Рис. 2. Ресурсный суверенитет в сочетании с логистикой формирует четыре типа геоэкономических игроков с различным уровнем влияния

Способность государства обеспечивать себя ресурсами и управлять их поставками становится ключевым фактором геоэкономического влияния. Комбинация ресурсной обеспеченности и логистической способности позволяет выделить четыре типовых позиции на глобальной карте распределения силы (Рис.2.):

1) Лидер регионального блока

Такие государства не только контролируют ключевые ресурсы, но и способны доставлять их на внешние рынки. Они формируют экономические и политические кластеры вокруг себя, задавая архитектуру

региональной экономики. **Основные риски** — инфраструктурная перегрузка, политизация экспортных потоков, давление со стороны конкурирующих блоков.

2) Потенциально самообеспеченное государство

Страны с богатым ресурсным потенциалом, но ограниченными возможностями их масштабной поставки. Их влияние ограничено локальной устойчивостью, а экспорт и монетизация ресурсов зависят от инфраструктуры и партнерских отношений. **Риски** включают зависимость от посредников, упущенную экономическую ренту и уязвимость к внутренним перегрузкам.

3) Логистический хаб

Эти государства контролируют потоки ресурсов, выступая как транзитные узлы и перераспределительные центры. Их влияние строится не на владении ресурсами, а на способности управлять доступом к ним, извлекать ренту из транзита и гибко адаптироваться к смене поставщиков. **Основные риски** — зависимость от внешних ресурсов, уязвимость к геополитическим шокам и возможные обходные маршруты.

4) Системно уязвимый импортер

Наименее защищенная позиция: такие государства полностью зависят от внешних поставок, имеют ограниченные возможности влиять на условия и особенно чувствительны к ценовым и политическим шокам. **Риски** включают продовольственную и энергетическую нестабильность, валютные кризисы и повышенную политическую турбулентность.

Примечание: способность государства занимать одну из этих ролей или переходить из одного квадранта в другой определяется не только техническими и инфраструктурными возможностями, но и политическим и дипломатическим влиянием. Стратегические альянсы, контроль над ключевыми политико-экономическими узлами и международная легитимность могут существенно расширять реальные возможности страны на глобальной арене.

Тренд 2

Регионализация цепочек поставок — возможность для новых региональных партнерств и альянсов; деинтернационализация.

Глобальные цепочки уступают место более коротким и контролируемым региональным контурам, где ключевую роль играют политическая близость, логистика и устойчивость, а не только экономическая эффективность.

Возможен пересмотр текущих альянсов. Например, будущее европейских стран во многом будет зависеть от того, получит ли вновь свое развитие идея «Большой Европы» или же будет наблюдаться сегментация региона по идеологическому признаку. Положение стран с высокой покупательной способностью, таких как Германия и Франция, будет определяться их готовностью формировать ресурсный блок для централизованного управления продовольственными и другими критическими товарами в случае эскалации конфликта, при этом Франция уже стремится занять заметную роль в политической репрезентации и артикуляции общеевропейской позиции. Если дефициты станут значительными, появятся призывы к наднациональному регулированию, квотированию и координации поставок. В этом контексте Германия и Франция могут объединяться с рядом европейских стран для обсуждения общих правил обеспечения продовольственной безопасности. Что касается глобальных союзников, приверженность к НАТО у ряда европейских стран сохраняется, однако Китай, как возможная альтернатива, в данной конфигурации рассматривается скорее как элемент стратегического балансирования — фактор, который может использоваться европейскими странами для влияния на позицию США и корректировки параметров трансатлантического взаимодействия.

Тренд 3

Акселерационизм — эскалация конфликтов на фоне возможного ресурсного дефицита, перегрузка и перезагрузка финансовых рынков.

Современные экономические и финансовые системы уже функционируют на пределе своих возможностей. Объемы капитала, необходимых для поддержания ликвидности и стабильности различных рынков, достигли беспрецедентных величин, что делает их крайне чувствительными к внешним шокам. Даже относительно локальные кризисы способны спровоцировать цепную реакцию, приводящую к резким колебаниям цен на сырье и финансовых инструментах.

В этом контексте конфликт выступает не только как проявление существующей напряженности, но и как катализатор — ускоритель кризисной динамики. В некоторой аналитической интерпретации рассматривается возможность того, что такие эскалации могут стимулировать пересмотр моделей функционирования рынков, приводя к

их фактической «перезагрузке». Идея акселерационизма здесь отражает двойной эффект: с одной стороны, объективное ускорение процессов из-за дефицита ресурсов и рыночной перегрузки, с другой — потенциальная стратегическая роль конфликта как триггера системных изменений.

Тренд 4

Защита внутренних рынков — страны с более высоким уровнем ресурсного суверенитета будут приоритизировать внутреннего потребителя и перестраивать экспортную политику.

Экспорт все чаще будет использоваться как инструмент политики, а не только экономики, включая ограничения поставок, квоты и ценовое регулирование для стабилизации внутреннего рынка.

Тренд 5

Миграционные эффекты — в эскалационном сценарии и при ресурсных дефицитах будет наблюдаться рост вынужденной внутренней и трансграничной миграции.

Давление на продовольственные и социальные системы в уязвимых странах будет выталкивать население в более устойчивые регионы, усиливая нагрузку на инфраструктуру и социальную стабильность принимающих стран.

Тренд 6

Усиление влияния климатических рисков — климатические экстремумы и деградация ресурсной базы будут усиливать уязвимость производственных цепочек и дефициты.

Климат становится не фоновым фактором, а прямым драйвером сбоев в сельском хозяйстве, энергетике и логистике, увеличивая частоту и масштаб кризисов.

Тренд 7

Усиление роли государства — расширение прямого контроля над ресурсами и рынками в целях обеспечения устойчивости, повышение значимости системной коммуникации бизнеса и государства, упор на

эффективное использование природных ресурсов и альтернативную энергетику.

Государство становится ключевым координатором распределения ресурсов и правил игры, а доступ к рынкам и возможностям все сильнее зависит от институциональной встроенности бизнеса.

Выводы для бизнеса в России

Вывод 1

Доступ к ресурсам будет определяться не только рынком, но и институциональными механизмами. Необходимо выстраивать системную работу с государством для обеспечения приоритетного доступа к господдержке, квотам, инфраструктуре и экспортно-импортным режимам.

Вывод 2

Окно возможностей открывается для компаний, способных интегрироваться в новые региональные цепочки. Перестройка глобальных потоков создает спрос на альтернативных поставщиков и партнеров — выигрывают те, кто может быстро масштабировать поставки и встроиться в формирующиеся альянсы.

Заключение

Перебои в поставках удобрений и агрохимии, рост стоимости газа и нефтепродуктов, удорожание перевозок, страхования и переработки неизбежно увеличивают себестоимость сельхозпроизводства и сокращают доступность ключевых ресурсов в наиболее чувствительные периоды посевных кампаний. Следствием становится не только рост мировых цен на аграрную продукцию, но и расширение зоны хронической уязвимости тех стран, которые уже критически зависят от импорта продовольствия, удобрений и энергии. Тем самым ближневосточный кризис способен ускорить переход от текущей нестабильности мировой продовольственной системы к более глубокой фазе ее структурного напряжения.

Одновременно кризис демонстрирует, что устойчивость цепочек поставок больше не может анализироваться отдельно от ресурсного обеспечения. Нарушение работы проливов, срыв контрактов, ограниченность

альтернативных маршрутов и зависимость от отдельных хабов показывают пределы прежней модели глобализации, ориентированной на минимизацию транзакционных издержек. На этом фоне будет усиливаться тенденция к диверсификации поставщиков, регионализации цепочек, созданию государственных резервов, переходу к более дорогим, но менее уязвимым схемам снабжения и формированию новых межгосударственных продовольственных и ресурсных альянсов. Все это означает, что кризис на Ближнем Востоке запускает не временную коррекцию, а долгосрочную реконфигурацию мировых аграрных и логистических рынков.

Ближневосточный кризис показывает, что дефицит воды в XXI веке больше не может рассматриваться отдельно от других проблем. В условиях, когда значительная часть водоснабжения в регионе зависит от энергоемкого опреснения, сама вода становится элементом критической инфраструктуры. Это означает переход темы малой обеспеченности водными ресурсами в плоскость безопасности: устойчивость водоснабжения оказывается связана с энергетикой, логистикой, физической защитой инфраструктуры и общей управляемостью территории. В долгосрочной перспективе это будет усиливать глобальный спрос на модели хозяйственной устойчивости, основанные на доступе к пресной воде, низкой зависимости от опреснения и высокой обеспеченности базовыми ресурсами. Тем самым кризис действительно ускоряет секьюритизацию водной повестки и повышает стратегическую ценность стран с крупной пресноводной базой.

Таким образом, долгосрочное значение ближневосточного кризиса состоит в том, что он ускоряет переход мировой экономики к новой модели, в которой продовольствие, удобрения, вода, энергия и логистика рассматриваются как элементы единого контура ресурсной безопасности. В этой модели конкурентоспособность государств будет определяться не только стоимостью производства или доступом к рынкам, но и способностью обеспечивать устойчивость критических цепочек в условиях геополитической турбулентности.

1. FAO, Low-income countries hit hardest by global food price inflation, Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2025 г.
2. Arab News, Iran war risk pushes up shipping and commodity costs, 2026 г.
3. Argus Media, Rising gas prices challenge EU nitrogen production, 2023 г.
4. Reuters, Iran war may push 45 million people into acute hunger by June, WFP says, 2026 г.
5. CFR. “The Iran War’s Hidden Front: Food, Water, and Fertilizer.” Council on Foreign Relations, 2026 г.
6. Ghosh, I., & De, A. Maritime fuel price prediction of European ports, 2024 г.
7. Hapag-Lloyd. Shipping from Upper Gulf, Arabian Gulf and Persian Gulf: a war risk update, 2026 г.
8. Seoul Economic Daily. Container freight rates surge 30% since US–Iran conflict, 2026 г.
9. Argus Media. Middle East conflict threatens UAE polymer export port, 2026 г.
10. The Wall Street Journal. Insurance costs soar for ships in Gulf, 2026 г.

Авторы

Анастасия Цветкова
Старший партнер, Климат и устойчивое развитие
tsvetkova@baikal-lobridge.ru

Лаура Моллаева
Руководитель группы стратегии и разработки продуктов,
Геоэкономические риски
mollaeva@baikal-lobridge.ru

Вячеслав Харитонов
Старший юрисконсульт, Нормотворчество и правовая экспертиза
kharitonov@baikal-lobridge.ru

Даниил Ефимов
Руководитель проектов, GR и оценка рисков
efimov@baikal-lobridge.ru

Арина Бобкова
Руководитель проектов Фонда «Озеро Байкал»
bobkova@baikalfoundation.ru

Больше информации и аналитических материалов вы найдете на нашем сайте : baikal-lobridge.ru

Для запросов: msk@baikal-lobridge.ru